

ПЕРЛОКУТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПЕРЛОКУТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ¹

Шатуновский И. Б. (shatun49@mail.ru)

Международный университет природы, общества
и человека «Дубна», Дубна, Россия

Ключевые слова: речевые действия, перлокутивные действия, иллюкутивные акты, речевые акты, перлокутивные глаголы, совершенный вид, цель, результат

PERLOCUTIONARY SPEECH ACTIONS AND PERLOCUTIONARY VERBS

Shatunovskiy I. B. (shatun49@mail.ru)

International University for Nature, Society, and Man "Dubna",
Dubna, Russia

Perlocutionary verbs like *ubezhhdat'* 'to convince / persuade', *nastaivat'* 'to insist', *ugovarivat'* ≈ 'to persuade', *uspokaivat'* 'to calm', *objasn'at'* 'to explain', *xvastatsy'a* 'to boast' etc. are verbs denoting perlocutionary actions. Perlocutionary actions, as defined in the paper, are unconventional actions performed by means of conventional illocutionary acts. Perlocutionary actions are aimed to achieve certain effects, goals, but they do not necessarily achieve them. Perlocutionary verbs such as *preduprezhdat'* (to warn), *nastaivat'* (to insist), *uveryat'* ('to assure') can turn into illocutionary verbs. In this case the perlocutionary text is contracted and some parts of it are taken in the meaning of the verb becoming a sign of that contraction. Perlocutionary actions and verbs can be divided into several groups according to supposed goals and effects of a perlocutionary action. They are: (1) perlocutionary actions having a clear aim which is embedded, fixed in the meaning of the verb denoting that action; this aim can be achieved or not; (2) perlocutionary actions that do not have a clear aim, but have a bundle of possible aims that are not fixed in the meanings of the corresponding perlocutionary verbs; (3) perlocutionary (and some illocutionary) actions that have a clear aim, and that aim is achieved any time the speaker does that action. These groups differ with respect to the meaning of their perfective forms. In the paper these differences are described and explanations for semantic peculiarities of the perfective forms are proposed.

Key words: speech actions, perlocutionary actions, illocutionary acts, speech acts, perlocutionary verbs, perfective, aim, effect

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00136.

1. *Перлокутивные глаголы* — это глаголы, обозначающие перлокутивные действия. Но что такое перлокутивные действия? Как отмечает М. Я. Гловинская, понятие перлокуции у Остина неясно [Гловинская 2001: 227], поэтому оно должно быть «прояснено» тем или иным образом. Исходное определение: перлокутивные действия — это неконвенциональные речевые действия более высокого (относительно иллокутивных актов) уровня, которые совершаются посредством конвенциональных иллокутивных актов (речевых актов, далее сокращенно РА). Остин об этом: «... Осуществление локутивного акта и вместе с ним иллокутивного акта может также выступать как исполнение акта другого рода. < ... > Мы назовем осуществление акта этого типа осуществлением *перлокутивного* акта, или *перлокуцией*» [Остин 1986: 88]; «Иллокутивные акты конвенциональны; перлокутивные акты *не-конвенциональны*» [Остин 1986: 100]. Ярким примером перлокутивного действия является *убеждение*. Мы убеждаем кого-нибудь в истинности пропозиции P² посредством высказываний, которые сами по себе являются дескриптивными РА — сообщениями или констатациями. Поэтому в случае перлокутивных действий различается то, что делают, и то, чем (какими словами) это делают. Так, угрожают, сообщая: *Если вы не сделаете это, я вас убью*. В случае иллокутивных актов совпадает то, что делают, и то, чем это делают. Так, когда утверждают, что Земля плоская, то делают это словами: *(Я утверждаю, что) Земля плоская*. (Скобки показывают необязательность перформатива.)

Заметим, что перлокутивное действие не обязательно делается посредством конкретных иллокутивных актов, располагающих собственным иллокутивным глаголом, способным употребляться дескриптивно и перформативно. Более того, большинство реально употребляемых в речевой практике речевых действий (высказываний) не относятся к конкретным узким РА. Так, при совершении перлокутивных действий активно употребляются РА «широкого», недифференцированного побуждения, выражаемого формами повелительного наклонения [Рассудова 1968: 102; Падучева 1996: 79], не имеющими специального лексического показателя иллокутивной силы (перформативного слова). Аналогично, перлокутивные действия часто совершаются посредством «широких» дескриптивных (описывающих действительность) РА (высказываний), о которых можно сказать не более того, что они фактивны (среди «узких», конкретных РА к ним относятся сообщения, объявления, констатации) или нефактивны (среди «узких», конкретных РА к ним относятся утверждения, заявления, уверения, заверения) [Шатуновский 2001].

Все иллокутивные акты конвенциональны в том простом смысле, что их значение и употребление основывается на конвенциях (правилах) языка. Для того, чтобы пообещать что-то или сообщить, что идет дождь (со стороны говорящего (Г)), а со стороны адресата (А) — понять, интерпретировать сказанное как обещание и сообщение соответственно, необходимо соблюдать (для А — знать) правила языка. У иллокутивных актов есть специальные языковые

² P — пропозиция, описывающая какое-то положение дел (состояние, событие, действие, процесс и т. п.) в действительности / положение дел, описываемое пропозицией.

показатели, есть конвенциональная форма, так же, как и у отдельных слов и у, скажем, синтаксических типов предложений. Это, прежде всего, перформативы и перформативные формулы (клише), формы наклонения, порядок слов, специальные частицы и т. п.

В случае перлокутивных актов (действий) не надо знать никаких правил и конвенций, ни языковых, ни внеязыковых, касающихся собственно перлокутивных актов. Всё, что здесь нужно, это знать, как совершать и интерпретировать иллокутивные акты, посредством которых они совершаются, и плюс к этому иметь экстралингвистические знания, касающиеся устройства мира и ума человека, и владеть естественной, внеязыковой, обыденной логикой, которой все люди владеют, независимо от конкретного языка. Так, высказывание *Если ты это сделаешь, я тебе голову оторву* является угрозой, но это следует из самого содержания этого сообщения, но не из наличия каких-то специальных конвенциональных показателей. Г, сообщая это А-у, обычно стремится добиться того, чтобы А не делал Р. Но если А и не станет после и в результате этих слов Г делать Р, то это не потому, что он понял, что это угроза, но исключительно потому, что ему не хочется испытать ущерб, который ему причинит Г в случае совершения им Р. Это логика жизни, а не языка.

Поскольку перлокутивные действия осуществляются посредством иллокутивных актов и в каком-то смысле «состоят» из них (как предложение строится и состоит из слов), любое перлокутивное действие состоит, по крайней мере, из одного иллокутивного акта (высказывания с определенной иллокутивной силой), но может совершаться и целым рядом, комплексом иллокутивных актов (высказываний), часто разного типа. Если перлокутивное действие состоит из одного иллокутивного акта, то в этом случае можно говорить о перлокутивном акте. Например, можно похвастаться одним высказыванием, сообщаящим о каких-то положительных качествах или достижениях Г — это будет перлокутивный акт хвастовства. Однако можно хвастаться и обычно хвастаются, а тем более убеждают, уговаривают и т. д. целым рядом высказываний, объединенных одной целью. Поэтому мы употребляем здесь более общий термин *перлокутивное действие*, не предполагающий, как термин *акт*, единичность.

2. С описанной выше спецификой иллокутивных и перлокутивных актов (действий) связаны особенности употребления соотносительных с этими актами иллокутивных и перлокутивных глаголов. Иллокутивные глаголы могут употребляться и дескриптивно — для описания данного РА и отсылки к нему в другом высказывании, и перформативно — для совершения этого самого речевого акта и экспликации его характера, т. е. указания, какой именно акт совершается. Перлокутивные глаголы не употребляются перформативно [Austin 1962: 103]. Мы не убеждаем, говоря: **Я вас убеждаю, что вам надо сходить к врачу, вы плохо выглядите*, и не угрожаем, произнося: **Я вам угрожаю, что я вас убью*. Вопрос: почему? Потому, что здесь нет ничего скрытого, конвенционального, о чем сигнализировали бы слова *угрожаю, убеждаю* и т. п. Экспликация типа перлокутивного действия — **Я вам угрожаю...* — ничего не прибавляет к ... *если вы это сделаете, я убью вас*. Перлокутивные глаголы

не употребляются (без особых оснований) в перлокутивных актах потому, что их добавление нарушает один из главных принципов речевого общения [Грайс 1985]: не говори лишнего.

3. Перлокутивные действия могут переходить в иллокутивные акты в тех случаях, когда происходит их конвенционализация. Это приводит к возникновению переходных случаев между иллокутивными и перлокутивными глаголами, когда один глагол может употребляться и перлокутивно, и иллокутивно (*предупреждаю, уверяю, умоляю, настаиваю* и т. д.). Проиллюстрируем это на примере *предупреждения*. *Предупреждение* — это перлокутивное действие, которое совершается дискурсивным «блоком», состоящим из двух естественно — с точки зрения логики речевого общения — связанных иллокутивных «частей»: сообщения, что возможно / будет некоторое плохое для А Р, и побуждения принять это во внимание, учитывать в своих дальнейших действиях ($\approx$ «Х говорит это потому, что хочет, чтобы Y руководствовался этой информацией в своих действиях» [Гловинская 1993: 173]). Компонент побуждения может по-разному конкретизироваться в различных ситуациях предупреждения: 'не делай Q, которое может привести к Р'; 'сделай Q, которое позволит предотвратить Р / минимизировать его последствия'; 'приготовься к тому, чтобы столкнуться с Р или его последствиями' и т. д.: *Не пей из лужи, Иванушка, козленочком станешь!* В подобных случаях *предупреждаю* обычно не употребляется, просто потому, что оно здесь излишне, хотя дескриптивно это действие описывается именно как предупреждение: *Из машины не вылезайте, кнопки все нажмите — папаша суровый, может и палкой захватить, и собаку спустить! — предупредил Байрам (М. Гиголашвили. Чертовое колесо)*³. В то же время *предупреждать* может использоваться перформативно, формируя вместе с вводимой им пропозицией иллокутивный акт. В этом случае оно «вбирает» в свое значение какие-то элементы перлокутивного текста, претерпевая тем самым конвенционализацию, лексикализацию. Этот переход сигнализируется сокращением перлокутивного текста, какие-то элементы которого уже не выражаются открыто как таковые, но сигнализируются перформативным *предупреждаю*, употребление которого в этом случае становится если не необходимым, то весьма желательным: *Предупреждаю: в поле будет жарко. — Я не боюсь.* (И. Грекова. На испытаниях). В данном случае эксплицитно выражено то, что будет плохое для А Р; наличие побуждения 'прими это во внимание, подумай, может быть, тебе не стоит ехать' сигнализируется здесь перформативом *предупреждаю*. Другой вариант — эксплицируется только побуждение, а сообщение о плохом Р имплицитно перформативным глаголом *предупреждаю*: *Я просто еще раз предупреждаю тебя, чтобы ты не выходила из офиса* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости) → 'если выйдешь, с тобой будет нечто плохое'. Ср. также замечание Серля: «Некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллокутивной целью. ... Так, ...: «Предупреждаю: отстань от моей жены!» (директив), «Предупреждаю,

³ Источником примеров в статье являются материалы «Национального корпуса русского языка».

что бык вот-вот бросится» (репрезентатив)» [Серль 1986: 194]. Как представляется, в обоих случаях это иллокутивный акт именно предупреждения (*warning*), просто в одном случае имплицитным остается компонент сообщения о возможном плохом для АР (= 'если ты не отстанешь от моей жены, я каузирую тебе плохое Р' — разновидность предупреждения, предупреждение-угроза), во втором — компонент побуждения: 'беги / приготовься к схватке или т. п.'

4. Иной подход к разграничению иллокутивных и перлокутивных глаголов, представленный в российском языкознании прежде всего в работах М. Я. Гловинской [2001; 1993], опирается на критерий достижения перлокутивного эффекта (результата) («... The perlocutionary act ... is the *achieving of certain effects by saying something*» [Austin 1962: 120], см. также [Austin 1962: 101]) и соответственно в русском языке на различие НСВ и СВ. Перлокутивы «обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее. При этом граница между иллокутивами и перлокутивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллокутивом, в форме СВ — перлокутивом» [Гловинская 2001: 278]. В соответствии с этим критерием глагол НСВ, например, *убеждать* — это иллокутивный глагол, соотносительный глагол СВ *убедить* — перлокутив. На наш взгляд, имеет смысл разграничить иллокутивные и перлокутивные глаголы и действия, не связывая это противопоставление с реальным достижением результата и различием видов. НСВ *убеждать* и др. глаголов этого типа и обозначаемые ими действия (деятельность) имеют объективные отличия от НСВ иллокутивных глаголов и соответствующих речевых действий и объективные сходства с СВ *убедить* и др. И главное — *убеждают, успокаивают* и т. д. посредством иллокутивных актов. Процесс (деятельность) убеждения так же неконвенциональна, как и достижение результата. И НСВ, и СВ в этом случае обозначают одно и то же действие, одну и ту же неконвенциональную, осуществляемую посредством конвенциональных иллокутивных актов деятельность (но с разных сторон, в разных аспектах, как это и свойственно формам вида). Поэтому если принять в качестве критерия перлокутивности достижение действием эффекта, окажется, что одно и то же речевое действие, пока оно не достигло результата, а совершается, является иллокутивным актом, а после того, как оно достигнет результата, оно же становится задним числом перлокутивным актом (действием). Более того, очень часто остается неизвестным, достигло ли результата действие, ср.: *Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — успокоил его Крячко.* (Н. И. Леонов, А. В. Макеев. Гроссмейстер сыска) = 'сказал с целью успокоить', достиг ли результата, успокоил ли — неизвестно.

5. В то же время все перлокутивные речевые действия, поскольку это намеренные, контролируемые действия, по определению производятся с какой-то целью, для достижения какого-то эффекта. (Цель связана с эффектом, результатом действия, цель — это планируемый субъектом действия его результат, эффект, достижение которого входит в намерения Г.) Однако не всё так просто с целью и намерением — в жизни и в языке. Различные действия

и глаголы являются в разной степени и в разном смысле целенаправленными. С точки зрения наличия и характера цели перлокутивные речевые действия и обозначающие их глаголы делятся на несколько групп. Ядро, центр размытой области перлокутивных действий составляют действия и глаголы в полном смысле целенаправленные — имеющие четкую цель, фиксированную в значении слова, описывающего это действие, полностью и безусловно намеренные. Этой целью является осуществление какого-то воздействия на А, изменение состояния его «ума» — в широком смысле, ментальной сферы, включающей мысли, чувства и волю адресата. Адресат здесь является не только адресатом, но одновременно объектом воздействия. Это такие действия и глаголы, как *убеждать / убедить, уговаривать / уговорить, настаивать / настоять, успокаивать / успокоить* и т. п. Такие действия являются полностью контролируруемыми в отношении процесса совершения этого действия, выражаемого формой НСВ, но не полностью контролируруемыми в отношении достижения результата, результат здесь может быть достигнут, а может быть и не достигнут. Поэтому такие глаголы могут иметь СВ со значением достижения или в отрицательной форме недостижения перлокутивной цели: *С (не) убедил А-а в Y⁴*.

6. Другая группа перлокутивных глаголов / действий — это (глаголы, обозначающие) действия, не имеющие фиксированной, выделенной цели, цели, которая была бы закреплена, лексикализована в значении обозначающего это действие слова. Это такие глаголы / действия, как *жаловаться, ругать, угрожать, упрекать, хвалить, хвастаться* и многие другие. Такие действия также совершаются посредством конвенциональных действий собственно языкового уровня — иллокутивных актов. Так, когда Г *жалуется*, то он сообщает А-у о некоторых плохих для Г Р, когда он *упрекает* А-а, он, используя дескриптивные высказывания, констатирует, что он сделал для А некоторые хорошие для А Р, а А со своей стороны не сделал для Г ожидаемых на основе взаимности хороших для Г Р, когда Г *хвастается*, он сообщает А-у о некоторых положительно характеризующих Г Р, и т. д. Такие речевые действия также имеют какую-то цель или цели. Однако, в отличие от перлокутивных действий предшествующей группы, цель этих действий не фиксирована в жизни и тем самым в языке. С ними связан, ассоциируется «пучок» (только) возможных целей, нечетко отделенных друг от друга. Ср. различия в толкованиях цели перлокутивного действия упрека у разных авторов: «Основная цель упрека — указать, что упрекаемый обманул наши ожидания» [Шмелев 2002: 140] и «Х говорит это, чтобы Y знал, что Р огорчает Х-а, и не делал больше Р» [Гловинская 1993: 198]. Однако возможно также, что Г старается сделать так, чтобы А чувствовал себя виноватым перед Г, испытывал угрызения совести, и в результате (всё это только возможно)

⁴ На самом деле ситуация с достижением результата здесь более сложная: СВ некоторых глаголов этой группы всегда обозначает достижение результата, СВ других глаголов в одних случаях обозначает достижение результата, в других случаях достигнут ли результат — остается неизвестным. Это зависит от характера значения глагола — его конативности или неконативности. Однако освещение этого вопроса требует отдельной обширной статьи.

побудить его сделать что-то хорошее для Г. Помимо того, что цель этих действий более размыта, она очень часто и более «инстинктивна», эмоциональна, не рациональна, не очень ясна самому Г — а это значит, что она в меньшей степени является собственно целью. Здесь цель часто превращается в неосознаваемый или слабо осознаваемый мотив⁵. В мотиве сближаются, сливаются причина и цель. Так, человек может хвастаться не для того, чтобы почувствовать себя выше А-а (это была бы цель), но потому, что ему приятно чувствовать себя выше А-а (возможно неосознаваемый мотив). Г может жаловаться для того, чтобы побудить А предпринять какие-то действия для облегчения положения Г, но также просто для того, чтобы «облегчить душу», «дать выход отрицательным эмоциям» [Гловинская 1993: 196], разделить с кем-то тяжесть неприятных событий. Язык является не только рациональным орудием описания, информирования, задавания вопросов и т. д., но и средством иррационального выражения и «возбуждения» различных эмоций, сознательных, полубессознательных и бессознательных переживаний и чувств — в самом Г и А. Такое выражение и «возбуждение» в гораздо меньшей степени контролируется Г. Нет резкой границы между рациональным, намеренным и эмоциональным, непроизвольным, ненамеренным в речи (и тем самым в отражающем ее факты языке), в частности в перлокутивных действиях этой группы. Поскольку здесь неясны цели и тем более неясно, достигнуты ли они, такие глаголы имеют СВ со значением ‘сказал’ и не имеют СВ со значением достижения цели: *Г пожаловался А-у на Б* — ‘сообщил о некоторых плохих для Г действиях Б,’ чего он этим хотел достичь и достиг ли он этим чего-нибудь — неизвестно.

7. Наконец, еще одна группа перлокутивных глаголов — это глаголы, обозначающие действие, автоматически достигающее цели просто в силу произнесения соответствующих слов. Это, в частности, *предупредить* (в перлокутивном и иллокутивном употреблении) и *напомнить*. Чрезвычайно широкая цель в *предупредить* — учитывать то, что сообщил Г, в своих действиях, достигается просто в силу того, что А услышал и понял Г (а это является пресуппозитивными условиями успешности любого высказывания), он уже не может как-то это «выбросить» из ума и так или иначе будет это учитывать. Аналогично с *напомнить*. Информацию передают, = коммуникативную значимость имеют только те элементы, которые в данной коммуникативной ситуации имеют альтернативы [Яглом, Яглом 1973]. Поскольку здесь нет альтернативы достижению результата, результат достигается всегда, когда Г сказал Р, в то же время есть альтернатива в отношении речевого действия ‘сказать’ — Г мог сказать Р, а мог и не сказать Р, СВ здесь также не обозначает достижения результата, а имеет значение ‘сказал’. Точнее, здесь в коммуникативном фокусе ‘сказал’, достижение результата является имплицативным компонентом [Karttunen 1971]: *Он предупредил А, что Р* — ‘Он сказал А-у, что Р / «Р» [и тем самым достиг результата]’. Аналогичная ситуация с рядом иллокутивных глаголов, которые

⁵ О сближении в ряде случаев мотива и цели, их контаминации см. [Арутюнова 1992:15; Рахилина 1989].

имеют цель, направлены на достижение результата. Однако этот результат достигается автоматически просто в силу того, что Г правильно, с соблюдением всех условий успешности, произвел соответствующий РА. Так, если Г (с выполнением всех условий успешности этого РА) *приказал* А-у сделать Р, то А просто в силу этого обязан сделать Р. Если Г *пообещал* А-у сделать Р, он в силу этого связан обещанием, обязан выполнить Р. Поэтому СВ этих глаголов также имеет значение (= имеет в фокусе значения) ‘сказал’. Аналогичная ситуация с *сообщил* (что Р), которое, в отличие от *сказал*, предполагает результат — ‘А принял Р как факт в свою картину мира’. Этот результат достигается автоматически, просто в силу того, что Г *сказал* А-у, что Р / «Р» (при условии, что А доверяет искренности и компетентности Г [Шатуновский 2001]), поэтому достижение результата является импликацией, а в фокусе СВ ‘сказал’.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели М.: Наука, 1992. С. 14–23.
2. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.
3. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Русские словари; Азбуковник, 2001.
4. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217–237.
5. Национальный корпус русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>. — Режим доступа: свободный.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–129.
7. Падучева Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М. Школа «Языки русской культуры», 1996.
8. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.
9. Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 46–54.
10. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 170–194.
11. Шатуновский И. Б. Дескриптивные высказывания в русском языке // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. N 1. P. 23–53.
12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. Языки славянской культуры, 2002.
13. Яглом А. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. М.: Наука, 1973.
14. Austin J. L. How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962.
15. Karttunen L. Implicative verbs // Language. 1971. V. 47. N 2. P. 340–358.

References

1. *Arutiunova N. D.* (1992), Language of aim [Jazyk tseli], in Logical Analysis of Language: Models of Action [Logicheskij analiz jazyka: Modeli dejstvija], Nauka, Moscow, pp. 14–23.
2. *Austin J. L.* (1986), How to do things with words [Slovo kak dejstvie], in New trends in linguistics abroad [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], issue 17, Progress, Moscow, pp. 22–129.
3. *Austin J. L.* (1962), How to do things with words, Clarendon Press, Oxford.
4. *Glovinskaja M. Ja.* (1993), Semantics of Speech Verbs within the Framework of the Speech Act Theory [Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov], in The Russian language in its functioning. Communication and pragmatics [Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt], Nauka, Moscow, pp. 158–218.
5. *Glovinskaja M. Ja.* (2001), Polysemy and Synonymy in Tense-Aspect System of Russian verbs [Mnogoznachnost' i sinonimija v vido-vremennoj sistemerrusskogo glagola], Azbukovnik; Russkie slovari, Moscow.
6. *Grice G. P.* (1985), Logic and conversation [Logika i rechevoe obshčenie], in New trends in linguistics abroad [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], issue 16, Progress, Moscow, pp. 217–237.
7. *Jaglom A. M., Jaglom I. M.* (1973), Probability and information [Verojatnost' i informacija], Nauka, Moscow.
8. *Karttunen L.* (1971), Implicative verbs, Language, vol. 47, N 2, pp. 340–358.
9. *Paducheva E. V.* (1996), Semantic Investigations. (Semantics of Tense and aspect in Russian. Semantics of Narrative) [Semantičeskie issledovanija. (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa)], Shkola “Jazyki russskoj kul'tury”, Moscow.
10. Russian National Corpus [Natsional'nyj korpus russkogo jazyka], available at: <http://www.ruscorpora.ru>.
11. *Rahilina E. V.* (1989), Cause / aim relationships in Russian text [Otnoshenie prichiny i tseli v russkom tekste], Issues in Linguistics [Voprosy jazykoznanija], N 6, pp. 46–54.
12. *Rassudova O. P.* (1968), The Use of Verbal Aspect in Russian [Upotreblenie vidov glagola v russkom jazyke], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow.
13. *Searle J. R.* (1986), A classification of illocutionary acts [Klassifikatsija illokutivnyh aktov] in New trends in linguistics abroad [Novoe v zarubezhnoj lingvistike], issue 17, Progress, Moscow, pp. 170–194.
14. *Shatunovskij I. B.* (2001), Descriptive utterances in Russian [Deskriptivnye vyskazyvanija v russkom jazyke], Russian Linguistics, vol. 25, N 1, pp. 23–53.
15. *Shmelev A. D.* (2002), Russian language and extralinguistic reality [Russkij jazyk i vnejazykovaja dejstvitel'nost'], Jazyki slavianskoj kul'tury, Moscow.